

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ХРОНОТОП В ПОЭТИКЕ ОЧЕРКОВ «ЗАПИСКИ ОХОТНИКА» И. С. ТУРГЕНЕВА И «ГУБЕРНСКИЕ ОЧЕРКИ» М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

С.В. Фуникова

CHRONOTROPE IN POETICS OF
I.S. TURGENEV'S SKETCHES,
"HUNTER'S NOTES", AND
M.I. SALTUKOV-SHEDRIN'S "PROVINCE
SKETCHES"

Funikova S.V.

The author touches upon the problem of space-time organization of the sketches, considers the structural-semantic specifics of I.S. Turgenev's "Hunter's Notes" and M.I. Saltykov-Shedrin's "Province Sketches", analyzes different aspects of the literary works.

Автор затрагивает проблему пространственно-временной организации данных очерков, рассматривает структурно-семантическую особенность «Записок охотника» И. С. Тургенева и «Губернские очерки» М. Е. Салтыкова-Щедрина, проводит анализ различных аспектов литературных произведений.

Ключевые слова: пространство, время, очерк, хронотоп, структура, семантика, повествование, топос, образ, тип.

УДК 809.1

Художественное время и пространство относятся к очень важным внесубъектным формам выражения авторской позиции как в романе, как в повести, так и в очерке и всегда остаются в компетенции её жанрового задания. «Слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом образуют литературный художественный хронотоп» (1, с. 235). Понятие хронотоп заимствовано из естественных наук и впервые введено в литературоведение М. М. Бахтиным для обозначения «существенных взаимосвязей временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» (1, с. 234). Хронотоп очерка отмечен линейностью и последовательностью: «далевой образ абсолютного прошлого» («Губернские очерки» М. Е. Салтыкова, раздел «Прошлые времена»), последовательное течение событий (по мере передвижения автора-повествователя в «Записках охотника» И. С. Тургенева), ограниченность пространства в рамках «микросреды» у обоих писателей.

Пространство и время являются важнейшими средствами тургеневской и щедриновской изобразительности, выполняя сюжетообразующую, выразительную и оценочную функции. У этих писателей свои утверждения о внутренней сущности русской жизни. В «Записках охотника» И. С. Тургенева, так же как и в «Губернских очерках» М. Е. Салтыкова-Щедрина сама Россия представлена как «живая» и «мертвая». Причем у обоих писателей «живое»

пространство составляет мир крестьян, а «мертвое» – мир помещиков. Оппозиция «живое – мертвое» имеет отношение и ко времени, так как время в очерках и И. С. Тургенева и М. Е. Салтыкова-Щедрина движется линейно: от «прошлых времен» к настоящим. У первого – время движется «от удельной, боярской Руси до России современной, крепостнической – «таков масштаб художественного мышления Тургенева» (2, с. 84). У второго – «мертвое / живое» время составляет одну из главных тем. Так, в последнем очерке «Губернских очерков» звучит мотив «мертвого» времени. Это связано, прежде всего, с взглядами М. Е. Салтыкова-Щедрина на дальнейшее развитие России, который считал, что прошлая система управления государством исчерпала себя сполна. И поэтому художник возлагал большие надежды на светлое будущее. То государственное устройство, которое показал Щедрин, доказывает, что прошлые времена – это мертвая современная действительность.

Важную роль в пространственно-временной организации «Записок охотника» И. С. Тургенева и «Губернских очерков» М. Е. Салтыкова-Щедрина играют первый и последний очерки: у первого писателя – «Хорь и Калиныч» и «Лес и степь»; у второго – «Введение» и «Дорога (вместо эпилога)». «Начало и конец внутренне расслабленной, держащейся на тонких образных параллелях постройки должны замкнуть ассоциации в едином кольце. Начало и конец цикла превращаются в своего рода «магнитные полюса», которые направляют и организуют «силовые линии», ассоциативные переклички между отдельными очерками, входящими в цикл» (2, с. 98).

Пространственно-временная организация «Записок охотника» выражает основную идею философско-эстетической концепции И. С. Тургенева о России как живой и мертвой. Философская основа центрального конфликта цикла – противостояние мертвенных форм жизни, олицетворяющих духовную смерть личности определенного класса (в данном случае класс дворян-чиновников, например, в рассказе «Бур-

мистр»), и лирической, крестьянской жизни, являющейся выражением развития человека в отдельности и общества в целом. Такая оппозиция выступает в произведении как прямо, так и косвенно. Понятие смерти включает в себя как физическую смерть (смерть Павлуши из рассказа «Бежин луг»), так и смерть духовную (камердинер Виктор Александрович из рассказа «Свидание»), когда человек перестает осознавать свою человеческую и нравственную сущность. Под жизнью писатель понимает идеальное проявление сущности человека. Идеален Хорь с точки зрения ведения хозяйства и практичности ума; идеален Калиныч со своим знанием природы, с умением чутко её воспринимать. Правомерно замечание Ю. В. Лебедева о том, что эти два характера, как два магнита, притягивают к себе все многообразные образы героев книги: «Одни характеры тяготеют к поэтичному, душевно-мягкому Калинычу, другие – к образу Хоря» (2, с. 71). В конце же цикла (в лирическом этюде «Лес и степь») осуществляется слияние человека и природы, происходит, так сказать, рождение единого макромира. В последнем этюде проявляется субстанционалистический подход к видению мира. С одной стороны, субстанция «человек», с другой – субстанция «мир».

Структурно-семантической особенностью «Записок охотника» И. С. Тургенева и «Губернских очерков» М. Е. Салтыкова-Щедрина является хронотоп дороги, благодаря которому происходит перемещение автора и героя в пространстве и во времени, и с помощью которого появляется возможность получения большого количества новой информации. Именно на дороге пересекаются в одной временной и пространственной точке пути разных людей – представителей всех сословий, состояний и возрастов. Случайно автор-повествователь перебирается из Болховского уезда в Жиздринский, встречая там Хоря, Калиныча, г-на Полутыкина («Хорь и Калиныч»); случайно набрел он на мальчиков, которые стерегли табун («Бежин луг»); неожиданно охотник оказывается свидетелем разговора камердинера

Виктора Александровича и Акулины («Свидание»).

Хронотоп дороги характерен также и для «Губернских очерков» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Но, если у И. С. Тургенева – это перемещение в пространстве, то у М. Е. Салтыкова-Щедрина – это перемещение во времени. У М. Е. Салтыкова-Щедрина обозначен город Крутогорск, который является своеобразным образом-символом всей России. И уже в первом очерке «Введение» мы наблюдаем противостояние Крутогорск – Петербург. Жители Крутогорска сначала с восхищением отзывались о столице: «Очаровательный Петербург!», «Душка Петербург!», «В устах всех Петербург представляется чем-то вроде жениха, приходящего в полночи» (3, II, с. 10). Такая деталь говорит о таинственности, неизвестности, «иллюзорности» города, так как он находится на большом расстоянии от провинции. И вот, когда «княгиня Чебылкина съездила с дочерью в столицу, восторги немного прохладелись: оказывается, что там никогда не чувствуешь себя дома, что «мы отвыкли от этого шума», что «князь Курылкин так ухаживал за мной, что просто совестно». После такого посещения и оказывается, что «душкой» является не Петербург, а провинциальный город Крутогорск.

У И. С. Тургенева и у М. Е. Салтыкова-Щедрина повествование идет, исходя из таких пространственных координат, как вертикаль (Россия живая – Россия мертвая) и горизонталь (прошлые времена – будущие времена). Живые и мертвящие формы жизни – темы, характерные для обоих писателей. Через такое представление действительности раскрывается система – мир, за которой стоит вся Россия. И если у И. С. Тургенева живое и мертвое пространство связано с социальной средой: мир помещиков и крестьян, то пространство у М. Е. Салтыкова-Щедрина – с застойностью и неповоротностью. В застойном, неподвижном городе Крутогорске («Въезжая в этот город, вы как будто чувствуете, что карьера ваша здесь кончилась, что вы ничего уже не можете требовать от жизни, что вам остается только жить в прошлом и перева-

ривать ваши воспоминания» (3, II, с. 7)) с его лесами, степями, лугами, заброшенным садом все остановилось и мертво: брошенный на крутом берегу городской сад, оцепеневшие окрестности, недвигающийся паром. Уже в этих образах – характерный образ мертвого пространства. Единственный образ дороги ещё напоминает о том, что жизнь в Крутогорске как-то медленно движется. Уже разбив на блоки «Губернские очерки», М. Е. Салтыков-Щедрин показывает разрозненность в России. Каждый блок – это своеобразная демонстрация жизни каждого из классов. Так, например, раздел «Прошлые времена» рассказывает нам о жизни подъячих («Первый рассказ подъячего», «Второй рассказ подъячего»). Здесь действует принцип анахронизма. Дело в том, что чин подъячего был отменен ещё в XVIII веке. Сами «Губернские очерки» появились в печати отдельными рассказами и сценами в 1856-1857 гг. Таким образом, М. Е. Салтыков-Щедрин пытается показать и реализовать свою точку зрения о том, что «прошлые времена» настолько въелись в современную ему жизнь, что искоренить их будет либо очень сложно, либо невозможно.

Время в «Записках охотника» И. С. Тургенева развивается линейно и последовательно, так же как и в «Губернских очерках» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Пространственно-временные характеристики изменяются по мере перемещения героев из одного топоса в другой. Так, в «Записках охотника» в очерке «Хорь и Калиныч» все события в повествовании идут последовательно: автор-охотник знакомится с господином Полутыкиным, от него он узнает о Хоре, который живет «посреди леса», все вместе перемещаются в избу, далее заходят в контору Полутыкина. Интересно то, что прием противопоставления всегда присутствует на страницах книги. Если изба Хоря представляет собой уютное практичное жилище: «Ни одна суздальская картина не залепляла чистых бревенчатых стен; в углу, перед тяжелым образом в серебряном окладе, теплилась лампадка; липовый стол недавно был выскоблен и вымыт; между бревнами и по косякам окон не скиталось резвых

прусаков, не скрывалось задумчивых тараканов» (4, III, с. 9), то контора Полутыкина «состояла из двух пустых комнат». Передвижение из одного топоса в другой показывает, что крестьянин (такой, как Хорь) далеко ушел от своего хозяина по ведению хозяйства. Каждый последующий очерк – это своеобразное передвижение по прямой линии. Двигается автор-охотник, а за ним все герои.

Единственная разница между «Губернскими очерками» и «Записками охотника» заключается в том, что во «Введении» («Губернские очерки») перемещение княгини Чебылкиной с дочерью в Петербург выражается только в воспоминаниях о столичной жизни и отличается устремленностью в будущее (движение от прошлых времен к настоящим). Во «Введении» звучит мотив остановившегося времени. Остановившееся время – это остановка самой жизни. Об остановке свидетельствует и царствующая тишина, и ощущение того, что в Крутогорске приходит конец всему миру, и брошенный на крутом берегу городской сад, – все «как бы тонет в общем однообразии» и тишине. «Мрак все более и более завладевает горизонтом» (3, II, с. 8). Любое вторжение в такое существование несет смятение: «мы крутогорцы, до такой степени привыкли к нашему безмятежному захолустью, что появление проезжего кажется нам оскорблением и посягательством на наше спокойствие» (3, II, с. 54). Отсутствие какой-либо активности в жизни говорит о внешней остановке, а внешняя остановка приравнивается к внутренней смерти. Затем время, соотношенное с историческим, воплощается по-своему в каждом из блоков «Губернских очерков».

Если события в «Записках охотника» развиваются по мере передвижения автора-охотника, то в «Губернских очерках» события могут быть представлены прерывисто, то есть скачками. Такие разделы-скачки – не недостаток автора-повествователя, а своеобразный подход к представлению основных моментов русской действительности. Единство пространственно-временных отношений воплощается в «Записках охотника» И. С. Тургенева и в «Губернских очерках»

М. Е. Салтыкова-Щедрина с максимальной четкостью и ясностью. Топос очерковых циклов вбирает в себя все российское пространство, а пространственные характеристики, включая некоторые точные (Калужская и Орловская губернии, Санкт-Петербург, Крутогорск, который является прототипом Вятки) географические координаты, создают впечатление протяженности и бескрайности России, проблемы которой волновали русскую действительность предреформенного периода. Несмотря на то, что в текстах нет целостного образа провинции и столицы, тем не менее, писателям интересны многие образы героев и объекты жизни, которые помогают раскрыть особенности развития страны 40-х – 50-х гг. Поэтому становится совершенно очевидной зависимость типа человека и пространственной характеристики. Так, в «Губернских очерках» М. Е. Салтыкова-Щедрина в разделе «Талантливые натуры» говорится о новых типах «лишних людей». Корепанов, Лузгин, Буеракин, Горехвастов – это неудачный, пассивный тип чиновников, которые не смогли обустроиться в этой жизни, и нашли себя в безделье, пьянстве, разглагольствовании. Зато такие, как Фейер («Второй рассказ подъячего»), Порфирий Петрович («Порфирий Петрович») и озорник («Озорники») прочно заняли свое место и живут, уважаемые другими обитателями города. У И. С. Тургенева в «Записках охотника» «лишним» оказался Василий Васильевич («Гамлет Щигровского уезда»). Этот талантливый, образованный человек становится помехой для светского общества и, более того, незаметным объектом в свете. Художественное пространство обоих писателей не ограничено рамками исследуемой проблемы. И тот и другой исследуют жизнь по «внешнему плану» (М. М. Бахтин), в хронологии событий.

Чиновник Н. Щедрин приехал в Крутогорск, знакомится там с его жителями, но представляет нам события, происходящие и в городе Полорецке («Что такое коммерция?»). Петр Петрович (охотник И. С. Тургенева) также обходит с ружьем все окрестности Орловской губернии. Помимо внешних

передвижений у каждого из писателей происходит движение «вовнутрь», в хронологию внутренних душевных процессов персонажей (время лирическое). Изнутри И. С. Тургенев показывает нам Калиныча, М. Е. Салтыков-Щедрин передает переживания Анны Львовны («Княжна Анна Львовна») по поводу её замужества. И чем больше видят авторы во время их путешествия, поразному оформляется в их сознании картина предреформенной общественной жизни всей России. И. С. Тургенев на развитие и процветание страны смотрит с оптимистической точки зрения. Доказательством этого может служить последний лирический этюд «Лес и степь». Он написан в пафосно-восторженном стиле, с выражением восхищения всем увиденным: «Какой вид!.. Как вольно дышит грудь, как бодро движутся члены, как крепнет весь человек, охваченный свежим дыханьем весны!» (4, III, с. 335). Именно весной начинается все новое. Иное происходит у М. Е. Салтыкова-Щедрина: «А теперь сучья на березах поникли и оцепенели; ни ветер, ни стаи тетеревов, с шумом опускающиеся на них, не в состоянии разбудить их. Равнины тоже не дышат; где-где всколыхнется круговым ветром покрывающий их белый саван, и кажется утомленному путнику, что вот-вот встанет мертвец из-под савана... Грустно!» (3, II, с. 465). С остановившемся временем связан и символический пласт, который характерен для обоих писателей. У И. С. Тургенева и М. Е. Салтыкова-Щедрина образы зимы и весны вводятся по-разному. У Салтыкова-Щедрина лишь однажды появляется положительный взгляд на начало весны: «Время – это самое веселое; вид возрождающейся природы благотворно действует на самого сонливого человека; всё принимает какой-то необычный, праздничный оттенок, всё одевается радужными цветами» (3, II, с. 53). Но и тут автор использует резкий контраст, который перекрывает все прелести начала новой жизни: «В деревнях на улице появляется грязь» (3, II, с. 53). Дальше картина становится ещё скучнее: «эта грязь не позволяет путешествовать, потому что дорога уже испортилась; черная, исковерканная полоса е-

безобразным горбом выступает из осевшего по сторонам снега» (Там же), «местами попадают так называемые заноры, которые могут заставить вас простоять на месте шесть часов и более». И вот именно тогда: «Не радуют сердца ни красоты природы, ни шум со всех сторон стремящихся водных потоков; напротив того, в душе поселяется какое-то тупое озлобление против всего этого: так бы, кажется, взял да и уехал, а уехать-то именно и нельзя» (3, II, с. 53). Таким образом, даже образ весны как символ начала новой жизни не помогает городу Крутогорску проснуться и оптимистично двигаться вперед.

По-иному обстоит дело с «Записками охотника» И. С. Тургенева. Лирические ноты оптимистического взгляда присутствуют на всем протяжении повествования. Произведение художник завершает радостной картиной весны, желая своему читателю благополучия. М. Е. Салтыков-Щедрин заканчивает очерк «Дорога», когда наступила зима. Именно зимой хоронят «прошлые времена» и в этом есть что-то неопределенное. Их похоронили, но не известно, что будет дальше. Звучит мотив неопределенности будущего.

В поэтике И. С. Тургенева и М. Е. Салтыкова-Щедрина можно назвать ещё несколько видов пространства – это природные топосы (река, лес, поле, луг, дорога) и культово-бытовые сооружения (станции, церкви, дома). Если говорить о пейзаже как таковом, то у И. С. Тургенева он лиричен, поэтичен, романтичен. А Чудаков обратил внимание на то, что «пейзаж И. С. Тургенева проявляется в географической, фенологической конкретности, то есть с точным обозначением, будь то деревья, как в «Бретере», или звуки, или животные» (5, с. 81). У М. Е. Салтыкова-Щедрина пейзаж играет роль внедрения в события, он не привлекает к себе внимание, на первое место выходят образы, проблемы российской действительности, а не лирический поток жизни через природу. Рассказчик И. С. Тургенева любит травой, цветами, грибами, ягодами, которые растут в лесу. Лес – место, где всё живет, где дышится просторно. Для М. Е. Салтыкова-Щедрина важно другое –

показать бюрократический мир чиновников, ведение государственных дел. Существует резкий контраст в описании природы: И. С. Тургенев заостряет внимание на описании места, времени года; Салтыков-Щедрин лишь вскользь упоминает о том, в какое время суток и года происходят события: «Утро», «Май уж на исходе». Природа Салтыкову-Щедрину не нужна, он привлекает внимание на проблемах современности. Для И. С. Тургенева характерно появление каждого героя его книги после описания природы. Так, дается сначала описание леса, прежде чем мы познакомимся с Хорем; Ермолай возникает после разъяснения, что такое «тяга»; Бирюк-Фома как бы рождается из раската грома; мальчики из рассказа «Бежин луг» появляются после описания огня. И если для И. С. Тургенева важны и природные топонимы – овраг, описание леса, луга, дождя, дороги (как пути в прекрасное будущее), то М. Е. Салтыкова-Щедрин привлекают бытовые сценки и зарисовки – станции, площади, дома. Такие бытовые зарисовки более полно показывают кругогорский мир в его становлении и погружении в «мелочи жизни». М. Е. Салтыков-Щедрин большое внимание уделяет условиям жизни и описанию нравов кругогорских жителей. Кругогорск для автора «Губернских очерков» – это провинция, за которой стоит весь «мир». Хронотоп провинции в щедринских циклах – это символическое время-пространство, которое обладает способностью «вбирать» в себя и подчинять себе другие пространственные топосы. Вот почему описание провинции под пером писателя часто вырастает в масштабное обобщение социального характера. Художественное время в очерках М. Е. Салтыкова-Щедрин, прежде всего, бытовое. Как говорит М. М. Бахтин, в провинции «нет событий, а есть только повторяющиеся «бытования». Время здесь лишено поступательного исторического хода, оно движется по узким кругам: круг дня, круг недели, месяца, всей жизни» (6, с. 396). Пространство провинции замкнуто, эта замкнутость оказывается тождественной пространственной несвободе личности. Все герои заняты своими пробле-

мами, не видя других, скрывая от всех свои помыслы. «Да вы, батюшка, не знаете, что такое Кругогорск! Кругогорск – это, я (Живновский – С. Ф.) вам доложу, сторона! Там, знаете, купец – борода безобразнейшая, кафтанишка на нем весь оборванный, сам нищим смотрит – нет, миллионщик, сударь вы мой, в сапоге миллионы носит!» («Обманутый поручик» (3, II, с. 58)). То есть, здесь просвечивается мотив иллюзорности мира, обмана, все не то, чем кажется на первый взгляд. Потому что провинция – замкнутый, оторванный мир, где нет даже мыслей как-то изменить свою жизнь, совершить какое-то событие. И такой круговорот жизни повсюду, потому что под Кругогорском понимается вся Россия.

Говоря о пространственных отношениях в «Записках охотника» И. С. Тургенева и о «Губернских очерках» М. Е. Салтыкова-Щедрин, можно выделить закрытое и открытое пространство очерков, каждое из которых имеет свои особенности реализации в художественном тексте. Можно утверждать, что пространство и в «Записках охотника» – открытое, разомкнутое, а в «Губернских очерках» – закрытое, так как место действия происходит в городе Кругогорске. Эти два вида топоса взаимопроникаемые, они также реализуются в оппозиции «мир помещиков – мир крестьян». Мир крестьян у И. С. Тургенева – это открытое пространство, которое воспринимается, как часть «макромира». Оно ассоциируется с настоящей жизнью: с Калинычем и Ермолаем, которые «ближе к природе»; с Бирюком-Фомой, который защищает лес от вырубки; с мальчиками из рассказа «Бежин луг», пасущими лошадей и верящими в народные приметы и сказки; даже с практичным Хорем, который рационально ведет свое хозяйство. Пространство же господ – закрытое, замкнутое. В нем нет жизни, оно может характеризоваться только качествами с негативной семантикой: заикленность, остановка, неподвижность, тишина. Помещичий мир как бы отходит на задний план, он теряется в образах крестьян. Те краски, которыми И. С. Тургенев писал образы помещиков, все больше и больше говорили об обреченности уходящего времени.

Таким образом, анализируя пространственно-временную структуру очерков предреформенного периода («Записки охотника» И. С. Тургенева, «Губернские очерки» М. Е. Салтыкова-Щедрина), мы приходим к выводу о том, что она помещается на оси «горизонталь – вертикаль». «Горизонталь» представлена будущим линейным временем: от «прошлых времен – к настоящим», а «вертикаль» – концептом Россия «живая» – Россия «мертвая», причем собственно пространство подразделяется типологически: тип пространства зависит от типа характера. Так, Россия «живая» представлена в образах крестьян (мир крестьян), а Россия «мертвая» в образах помещиков (мир помещиков). То есть, типология пространства включает в себя открытое пространство крестьян и закрытое пространство помещиков. В «Записках охотника» И. С. Тургенева наряду с реальным миром имеет место нечто ирреальное, показанное в фантастических образах русалки, лешего, домового, водяного. Фантастический мир, представленный в рассказах мальчиков («Бежин луг»), свидетельствует о широте и глубине всей народной фантазии.

Время в очерках предреформенного периода «Записки охотника» и «Губернские очерки» движется линейно и последовательно. Пространственно-временные характеристики в «Записках охотника» изменяются по

мере перемещения охотника. В «Губернских очерках» проблема времени соотносена с историческим и воплощается по-своему в каждом из блоков «Губернских очерков» М. Е. Салтыкова-Щедрина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. *Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет.* – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
2. Лебедев Ю. В. *У истоков эпоса.* – Ярославль: ЯГПИ, 1975. – 171 с.
3. Салтыков-Щедрин М. Е. *Собр. соч.: в 20 т. Т. 2.* – М.: Художественная литература, 1965
4. Тургенев И. С. *Собр. соч.: в 30 т. Т. 3.* – М.: Наука, 1979.
5. Чудаков А. *Слово – вещь – мир. От Пушкина до Толстого: Очерки поэтики русских классиков.* – М.: Совр. писатель, 1992. – 311 с.
6. Бахтин М. М. *Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет.* – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.

Об авторе

Фуникова Светлана Васильевна, Белгородский государственный университет, аспирантка кафедры русской и зарубежной литературы и методики преподавания.
alex222112.ru@mail.ru